

Онегинская энциклопедия: тезаурус романа

Онегинская энциклопедия. Т. 2. Под общей редакцией Н. И. Михайловой. М.: Изд-во «Русский путь», 2004. 806 с.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 02(04(16111).

В литературном наследии каждой страны есть произведения, которые можно считать краеугольным камнем национального самосознания. У англичан это драмы Шекспира, у испанцев «Дон Кихот» Сервантеса, у немцев «Фауст» Гете, у итальянцев «Божественная комедия» Данте, у нас — «Евгений Онегин» Пушкина.

В сложной ситуации оказываются исследователи, берясь за изучение подобных произведений «гениев-прародителей» (*genies-tigres*)¹: ведь за неверный или неосторожный комментарий их осудят тысячи сторонних наблюдателей, строго оценивающих всякую попытку прикосновения к священным текстам. К счастью, рабочему коллективу ком-

ментаторов и авторам статей «Онегинской энциклопедии» удалось избежать, насколько это вообще возможно при таком грандиозном размахе труда, популистской скандальности, поверхностного анализа, допустив при этом только несколько незначительных промахов². Все статьи написаны с должной серьезностью и исследовательским тактом. Авторы попытались дать обширную информацию, раскрыть многие непрочитанные страницы прославленного романа. Надо отметить, что сама задача создания полной энциклопедии о книге, давно ставшей в общественном сознании чем-то вроде «энциклопедии русской жизни», является из ряда невыполнимых. У авторского коллектива «Онегинской энциклопедии» было множество именитых предшественников, включая самого автора, посчитавшего необходимым снабдить свой текст хотя и не очень обширными, но все-таки 44-мя примечаниями³. Многие комментаторы «Евгения Онегина»

¹ См.: Шатобриан Ф. Р., де. Опыт об английской литературе // Эстетика раннего французского романтизма. М.: Искусство, 1982. С. 236-237.

² См. рец.: Ларионова Е. Онегинская энциклопедия / Новая русская книга. 2000. №4. <http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk4/33.html>

³ В третьем издании романа в стихах они составляли двенадцать страниц. См.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. СПб., 1837. С. 281-293.

потратили если не целую жизнь, то, по крайней мере, большую ее часть, штудировав пушкинский текст и создавая свою собственную «онегияну». Назовем некоторых из них: Н. А. Бродский¹, С. М. Бонди², Д. Д. Благой³, А. Е. Тархов⁴, Ю. М. Лотман⁵. Известным автором «онегинских» комментариев был и американский писатель русского происхождения Владимир Набоков⁶. Свой труд он оценивал не иначе как подвиг, хотя набоковские штудии так и остались далеко не полными. Подобную высокую оценку можно дать руководителю проекта и всему авторскому коллективу настоящего издания за их многолетний и добросовестный труд.

Как говорят сами составители «Онегинской энциклопедии», идея ее создания возникла еще в далеком 1987 г., во время конференции, посвященной проблемам комментариев к «Евгению Онегину», которая проходила в московском Государственном музее А. С. Пушкина. Тогда пушкинисты пришли к выводу, что только коллективная работа способна обеспечить адекватное прочтение и понимание «Евгения Онегина». Через несколько лет, а именно в 1991 г. на Пушкинской конференции в Пскове, Н. И. Михайлова предложила коллегам идею создания «Онегинской энциклопедии» и взяла на себя организацию работы над проектом. Начиная с 1995 г. статьи тогда еще незаконченной энциклопедии стали публиковаться в журнале «Октябрь», а 7 августа 1997 г. авторский коллектив подписал договор на издание книги с издательством «Русский путь». Еще спустя два года вышел в свет первый том энциклопедии. Таким образом, со времени возникновения идеи до издания первого тома прошло более 10 лет, а спустя еще пять лет

вышел заключительный том.

Как и первый, второй том является плодом коллективного труда: статьи расположены по кириллическому алфавиту от «А» до «Я», а также по латинскому от «A» до «Z». География проживания авторского коллектива пространна. Если руководитель и научный редактор проекта Н. И. Михайлова представляет московских пушкинистов, то составители энциклопедии и авторы отдельных статей В. А. Кошелев, В. А. Викторович и М. В. Строганов — из Великого Новгорода, Коломны и Твери.

Статьи написаны не только пушкинистами. Так, покойный Дмитрий Сергеевич Лихачев дает новое толкование словосочетания «Сады лица». В своем понимании он выходит за рамки чисто эмпирического и отчасти банального набоковского объяснения («сады, примыкающие к лицу») и рассматривает его как образный пласт всего творчества Пушкина, связанного не столько с конкретным географическим местом, а со многими олицетворяющими мотивами «свободы, вольности и наслаждений, тишины, отчасти воспитанных идеями английских либералов» (с. 455). В дальнейшем пейзажный ландшафт парков отзывался в поэзии Пушкина многочисленными реминисценциями, воспоминаниями о былой вольной жизни и увековечил «эстетический идеал молодого Пушкина и живую память о нем» (с. 456).

Ю. М. Коган в статье «Фламандской школы пестрый сор», кроме привычного понимания этого стиха как характеристики бытового, «жанрового» направления фламандской живописи XVI–XVIII веков, изображавших сцены из жизни городских ремесленников и быт крестьян, находит, что у Пушкина сло-

¹ Бродский Н. А. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина: Пособие для учителей средней школы. М., 1950.

² Бонди С. М. Комментарий // Пушкин А. С. «Евгений Онегин». М.-Л.: Детская литература, 1953.

³ Благой Д. Д. Комментарий к роману «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М.: Худ. лит., 1960. Т. 4.

⁴ Тархов А. Е. Комментарий // Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1980.

⁵ Лотман Ю. М. Роман Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1983.

⁶ Eugene Onegin / A novel in verse by A. Pushkin; Translated from the Russian, with Commentary by V. Nabokv. In 4 vol. N-Y, 1964. См. перев.: Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Набоковский фонд, 1998.

во «сор» имеет более глубокий исторический и проблематический смысл: «противопоставление молодого и зрелого возраста, не только сопоставление более значительных и менее значительных тем, но и сравнение поэзии и прозы» (с. 641), приобретает «не уничижительное, а гораздо более широкое, важное и уважительное, но и вместе с тем несколько ироническое значение», которое, по мнению Ю. М. Когана, отозвалось в двадцатом веке в стихотворении Анны Ахматовой: «Мне не к чему одические рати...».

От предшествующих комментариев «Онегинскую энциклопедию» выгодно отличает еще и то, что она в общем алфавитном порядке объединяет как минимум три словаря: первый — словарь упомянутых в «Евгении Онегине» собственных имен писателей, художников, философов, композиторов, исторических личностей и современников Пушкина, имен героев пушкинского романа, персонажей античной, библейской мифологии и фольклорной демонологии, географических топонимов и т. д.; второй — словарь реалий, в котором откомментированы названные Пушкиным исторические события, вышедшие из обихода предметы быта, устаревшие слова, требующие (возможно, не всегда, — Н. З.) специального объяснения, трудные для современного читателя термины, понятия; и, наконец, словарь мотивов, в котором раскрываются некоторые философско-эстетические, морально-нравственные категории, необходимые для лучшего понимания пушкинского текста. Таким образом, в руки читателя попадает справочник не столько по «Евгению Онегину» или творчеству Пушкина, сколько по русской культуре начала девятнадцатого века.

В своих статьях авторы стремились рассказать об образе жизни, о том, каков был быт пушкинской эпохи, что носили, что ели, пили, как готовили, о чем говорили и спорили современники и герои Пушкина. Анализу бытовой стороны русской жизни в отличие от предыдущих комментариев изначально уделено одно из главных мест энциклопедии. Вслед за автором романа создатели энциклопедии воспевают красоту русской жизни,

природы и противоречия человеческих отношений и горькое счастье людских страданий.

Авторы энциклопедии постарались включить в ее состав все слова и понятия, которые есть в стихотворном романе Пушкина, так и на глубине вхождения отдельных статей в материал. В этом плане справочник и впрямь заслуживает звания — «собрание пестрых глав». Да и сами статьи зачастую выглядят чересчур разнородными, прежде всего, из-за того, что выполнены они в разных литературных жанрах. Это и краткие разъяснения текста произведения, сравнительно небольшие научные комментарии и объемные исследования и даже литературные эссе. Конечно, нельзя не отметить некую несоразмерность в объемах ряда статей, поскольку наряду с обширными комментариями одних образов, персоналий или явлений, встречающихся в «Евгении Онегине», есть весьма лаконичные пояснения. Понимаю, что нельзя объять необъятное, но можно ли обходиться таким поверхностным образом с величайшими литературными авторами общемирового значения, которые сыграли ключевую роль в творческой эволюции русского поэта.

Так, с недоумением обнаруживаем, что в целом неплохая статья о Шекспире, написанная С. С. Лосевым, занимает всего 2,5 страницы. Для сравнения — статья, посвященная Байрону (В. С. Баевский), составляет 5,5 страниц, статья о Шатобриане (В. А. Мильчина) 4 страницы, об Овидии (М. И. Шапир) 4 страницы, о Лафонтене (Ю. Ю. Гречихова) 4 страницы, о Петрарке (И. А. Пильщиков) 3,5 страницы, о Наполеоне (Л. Л. Ивченко) 3 страницы, о Мицкевиче (Н. И. Михайлова) 3 страницы, не считая иллюстраций.

В статье о Байроне приведены почти все особенности поэтики романтика-вольнодумца, повлиявшего на становление русского поэта, но не отмечено, что именно во время работы над романом в стихах Пушкин осознал недостаточность романтического мироощущения по Байрону и его так называемый байронизм стремительно пошел на убыль. Не случайно и то, что в годовщину смерти

Байрона Пушкин заказывает обедню «за упокой раба Божия боярина Георгия»¹. Об этом 7 апреля 1825 г. поэт писал из Михайловского своему близкому другу князю Петру Андреевичу Вяземскому, есть в этом письме и упоминание «Онегина». Заказ обедни и видимая набожность поэта удивили не только попа, но и многих современников и советских пушкинистов. По сути дела, это весьма символический для Пушкина шаг не только исполнения религиозного долга перед погибшим старшим наставником, но и исполнения своеобразного обряда отпевания влияния английского барда, доминировавшего в творчестве раннего «южного» периода. Именно с этого момента утверждается другая, обновленная концепция оригинального творчества первого великого русского поэта, его взгляд на историю, быт и свободу, который он воспринимает у Шекспира и Карамзина. Байрон, чье имя почти не упоминается в письмах Пушкина после декабря 1825 г., к этому времени был вытеснен фигурой другого великого британца — Шекспира, чей гений сыграл неизмеримо большую роль в дальнейшей творческой эволюции русского гения.

Не очень удачно, на наш взгляд, и то, что в качестве портрета Шекспира подобран рисунок, сделанный Пушкиным на титульном листе рукописи «Драматических сцен», который принято считать изображением английского драматурга. Сомнительная атрибуция Т. Г. Цявловской² продолжает преследовать Шекспира, хотя, кроме лысеющего черепа, сходство между его известными портретами и рисунком Пушкина отдаленное, а по ка-

рикатурной манере изображения невольно напрашиваются ассоциации со скупым рыцарем, тем более что изображен он рядом с рыцарем, облеченным в латы.

Справедливости ради можно предположить, что эта карикатура вполне созвучна с природой «маленьких трагедий», в которых намечается своеобразное преодоление шекспировского авторитета, очевидного в русской драме «Борис Годунов». Поиск самобытных решений проблем отечественного театра, вопросы театральной сценичности и оригинального взгляда на драму вообще — вот то, что волновало Пушкина в Болдинскую осень 1830 г. Кроме того, в двух своих «маленьких трагедиях» поэт использовал сюжеты пьес Мольера «Скупой» (1669) и «Дон Жуан, или Каменный пир» (1665)³. Это обстоятельство особенно широко освещено в советском пушкиноведении, и Б. В. Томашевский весьма точно раскрыл характер разработки Пушкиным мольеровских сюжетов: «Исходным пунктом для драматических опытов Пушкина был театр... из пьесы французского драматурга берется лишь сюжет в его наиболее общих чертах, две-три драматические ситуации чисто сценического порядка, и совершенно изменяется система характеристики героев»⁴. Подобным образом Пушкин стремился не подражать, а развивать художественные находки Шекспира, тем не менее исследователи давно заметили, а позже и доказали прямую связь многих мест из «маленьких трагедий» с пьесами английского драматурга. Так, на сходство между пушкинским «Каменным гостем» и шекспировской трагедией

¹ Пушкин А. С. Письмо князю Вяземскому П. А., 7 апреля [1825 г. Михайловское] // Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Т. 1. Письма: 1815–1825. С. 127.

² Цявловская Т. Западные писатели в рисунках Пушкина // Культура и жизнь. 1959. № 2. С. 55–58; Рисунки Пушкина М.: Искусство, 1980. С. 113, 116. Впервые воспр. (весь лист): Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина // Пушкин А. С. Соч. СПб., 1885. Т. 1. Прилож. VII.

³ Первым, кто разработал легенду о Дон Жуане, был испанский драматург Тирсо де Молина (1571–1648), позже эта тема получила разработку в произведениях многих авторов, в том числе в опере Моцарта и в поэме Байрона.

⁴ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л.: Советский писатель, 1960. С. 309. Ср.: Томашевский Б. В. «Маленькие трагедии» Пушкина и Мольер // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Вып.] 1. С. 115–133.

«Ричард III» еще в 1841 г. указал С. П. Шевырев¹, затем Б. В. Томашевский², В. Волькенштейн³, А. Ахматова⁴. Н. В. Беляк и М. Н. Виролойнен отметили характерное использование шекспировской техники «заключительного вопроса», которая связывает «Каменного гостя» с шекспировскими «Гамлетом» и «Мерой за меру»⁵. Подражанием шекспировской фантастике объяснил А. А. Белый чудесный кивок головы статуи Командора в ответ на приглашение Дон Гуана в «Каменном госте»⁶ (впрочем, этот кивок есть и у Мольера в 3-ем действии «Дон Жуана»).

Параллельные места из произведений Шекспира отмечались исследователями и в «Скупом рыцаре» (первым это шекспировское присутствие отметил еще В. Г. Белинский⁷). И. С. Тургенев в письме к П. В. Анненкову от 2 февраля 1853 г. процитировал из монолога Скупого рыцаря стихи о совести, которые, как ему казалось, сделаны в «чисто английской, шекспировской манере»⁸. Н. О. Лернер привел несколько мест из пьес Шекспира, таких как мрачная картина могил, извергающих мертвецов, которая встречается у него неоднократно, что дает основание видеть у Пушкина шекспировский след, восходящий к «Макбету» (д. III, сц. 4), «Буре» (д. V, сц. 1) и «Гамлету» (д. I, сц. 4)⁹. В монологе Гамле-

та упоминается «тот колдовской час ночи, когда гроба зияют и заразой ад дышит в мир» (д. III, сц. 2), во II части хроники «Король Генрих IV» описывается зловещая ночь, когда «призраки разверзают свои могилы» (д. I, сц. 4). «Воображение Пушкина, — писал Н. О. Лернер, — восприняло это создание Шекспирова воображения. Наш поэт обогатил пленивший его образ одною деталью, еще живее и мрачнее: у него могилы «смущаются»¹⁰. А. Долинин указал на сходство этого мотива со второй сценой пятого акта «Сна в летнюю ночь» Шекспира¹¹, Ю. Д. Левин сравнивал поэтику метафоры Пушкина с поэтикой Шекспира и «английского маньеризма»¹². Дважды мотив разверзающихся могил повторяется в «Юлии Цезаре» (д. I, сц. 3 и д. II, сц. 2). Т. Шоу подробнее образом рассмотрел многочисленные связи «Скупого рыцаря» с «Венецианском купцом»¹³. И, несмотря на то, что обычно «пушкинская пьеса сравнивается, прежде всего, со «Скупым» Мольера, а Шекспир привлекается главным образом в связи с некоторыми образами в длинном — и совершенно не шейлоковском — монологе барона (сцена 2)», исследователь доказал, «что Пушкин опирался на шекспировского “Венецианского купца” более разнообразно»¹⁴.

¹ Шевырев С. Сочинения А. Пушкина. Томы 9, 10 и 11 // Москвитянин. 1841. Ч. V. №9. С. 246.

² Томашевский Б. В. Указ соч. С. 312.

³ Волькенштейн В. Драматургия. Изд. испр. и доп. М.: Советский писатель, 1960. С. 73.

⁴ Ахматова А. А. «Каменный гость» Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. С. 189.

⁵ Беляк Н. В., Виролойнен М. Н. «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории (Судьба личности — судьба культуры) // Пушкин Исследования и материалы. Т. XIV. Л.: Наука, 1991. С. 107.

⁶ Белый А. «Отшельники хвалы ему поют» («Каменный гость») // Московский пушкинист. Вып. II. М.: Наследие, 1996. С. 70–71.

⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. С. 563.

⁸ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Письма. Т. II. М.; Л.: Наука, 1961. С. 121.

⁹ Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л.: Прибой, 1929. С. 218–220.

¹⁰ Там же.

¹¹ Долинин А. Заметка к проблеме «Пушкин и Шекспир»: (О подзаголовке «Скупого рыцаря») // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 183.

¹² Левин Ю. Д. Метафора в «Скупом рыцаре» // Русская речь. 1969. № 3. С. 17–20.

¹³ Шоу Т. Поэтика неожиданного у Пушкина. Нерифмованные строки в рифмованной поэзии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 382.

¹⁴ Там же. С. 367.

В частности, это проявилось в использовании тавтологических рифм в первой сцене «Скупого рыцаря», схожих со сценами «Венецианского купца» (акт 1, сцена 3; акт 2, сцена 1; акт 2, сцена 8), особенно в заключительной, стихотворной сцене (акт 5, сцена 1). Исследователь раскрыл и проанализировал основные мотивы, объединяющие обе пьесы, досконально описал сходство и различие в концепциях характеров главных героев, в их мировоззрении, взаимоотношениях с другими персонажами. В подробнейшем анализе рифмованных отрывков и рифмопар «Скупого рыцаря» он обнаруживает связь с другим «шекспировским» произведением Пушкина — драмой «Борис Годунов», точнее с первым рифмованным отрывком ее одиннадцатой сцены¹.

«Яркую печать шекспиризма» усматривал в «Моцарте и Сальери» М. М. Покровский: «Убийца Моцарта должен, в конце концов, поплатиться жесточайшими угрызениями совести за свое деяние»². Исследователь видит в поступке Сальери не проявление банальной зависти, а месть Моцарту за то, что своей безграничной гениальностью он уничтожает всех ремесленников и поденщиков от искусства. Схожую идею Покровский обнаруживает в «Венецианском купце» Шекспира, в котором педантичный Шейлок, «руководствуясь инстинктом самосохранения, мстит благодушному гуляке купцу Антонио, поскольку его профессиональное бескорыстие и щедрость приносят огромные убытки еврею-ростовщику». Напомним это место из «Венецианского купца»:

Вот истинно на вид слащавый мытарь!
Он ненавистен мне как христианин,
Но больше тем, что в жалкой простоте
Взаимы дает он деньги без процентов
И курса рост в Венеции снижает.

Ох, если б мне ему вцепиться в бок!
Уж я вражду старинную насыщу.
Он ненавидит наш народ священный
И в сборищах купеческих поносит
Меня, мои дела, барыш мой честный
Зовет лихвой. Будь проклят весь мой род,
Коль я ему прощу! (д. 1, сц. 3)³

И, наконец, М. М. Покровский делает вывод, «что самую тему о зависти Пушкин разработал приблизительно, как Шекспир в «Макбете» — как тему честолюбия: человек долгое время живет безупречно, не подозревая, что в один прекрасный момент им может завладеть страсть, ему самому противная и мучительная. Пушкин представил вместе с тем, при каких условиях преступная страсть вспыхнула в душе Сальери: в сущности, душевная жизнь его не полна, в ней много пустоты, лишь еле-еле прикрытой скромным профессиональным успехом, который вдобавок дался в результате упорнейшего труда и горьких разочарований. Это душевное утомление увеличивается, кроме того, тяжелыми воспоминаниями о самоубийстве единственной женщины, которую любил Сальери, — Изоры»⁴.

В свою очередь, Б. П. Городецкий соотнес известное замечание Пушкина о ревности Отелло со словами Сальери:

Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущую бессильно?
Никто!.. (VII, 124)⁵

Интересное замечание по поводу проблемы «совместимости гения и злодейства» сделала Марина Косталевская в статье «Дуэт, диада, дуэль. («Моцарт и Сальери»)». Рассматривая этический и поэтический антагонизм Моцарта и Сальери, исследовательница делает вывод: «В русском самосознании

¹ Там же. С. 379.

² Покровский М. М. Шекспиризм Пушкина // Пушкин А. С. Сочинения. Т. 4. СПб.: Изд. Брокгауз-Ефрона, 1910. С. 1–20.

³ Шекспир У. Венецианский купец. // Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8 т. М.: Искусство, 1958. С. 224–225. (Перевод Т. А. Щепкиной-Куперник).

⁴ Покровский М. М. Указ. соч. С. 15–16.

⁵ Городецкий Б. П. Драматургия Пушкина. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1953.

поставленный Пушкиным вопрос о гении и злодействе занимает место, сходное по своей актуальности с тем, которое занимает в западном сознании вопрос, поставленный Шекспиром: «To be or not to be». Если для Гамлета эта проблема звучит испытанием свободы человека как нравственного существа, то, например, для Альбера Камю она представляет собою испытание свободы человека как живущего существа. Но суть проблемы при этом меняется»¹.

Л. И. Вольперт, указывая на тот факт, что Стендаль похвалил свои лучшие произведения «to the happy few» («немногим счастливым»), проводит параллель с фразой Моцарта, уже испившего яд: «Нас мало избранных, счастливых праздно» (VII, 133), и приходит к выводу, что обе они имеют прямое отношение к словам Генриха V и заимствованы из одноименной хроники Шекспира (акт 4, сцена 3)².

Таким образом, очевидно, что связь «маленьких трагедий» с произведениями Шекспира отнюдь не карикатурна.

И, наконец, список работ, посвященных разработке темы творческого диалога Пушкина и Шекспира, состоит из одной работы «Шекспир и русская культура» М. П. Алексеева³. Со времени издания этого во всех отношениях достойнейшего труда прошло без малого 40 лет — и разве ничего более по этой теме не появилось?⁴ Впрочем, в статье о великом Гете (И. Н. Лагутина) вообще нет библиографии, имеются лишь только две ссылки на работы Б. В. Томашевского и В. М. Жирмунского. Дело тут скорее не в степени владения авторами материалом, а в отсутствии четких редакторских требований к оформлению энциклопедических статей.

Каждый из пользователей энциклопедии соизмеряет ее качество по своим сугубо личным эстетическим пристрастиям и научным интересам. Если же оценивать колоссальный труд в целом, то следует признать масштабность работы, выполненной не только пушкинистами, но и историками пушкинской эпохи (роман несет в себе огромный потенциал для исторического исследования быта и событий целой эпохи истории российского государства), врачами, культурологами, философами, искусствоведами и т. д. Такая пестрая палитра творческого коллектива красноречиво характеризует как самобытное творчество Пушкина, отличавшегося энциклопедическими знаниями, разнородными интересами и живым пытливым умом, так и само пушкиноведение — науку коллективную.

Наиболее важными, на наш взгляд, являются историко-культурные комментарии реалий давно минувших лет, объяснение тех вещей, слов и понятий, которые давно вышли из повседневного обихода и употребления. Воистину обширен спектр тем статей, из которых мы узнаем о всевозможных мелочах и, казалось бы, простых, но ныне непонятных вещах: «негоцианка молодая», «Стразбургский пирог», «сыр лимбургский», «чалые лошади», «челядь», «цимлянское», «три с половиной», «моэт», «манежный хлыстик», «нега», «магический кристалл», «почечуй» и т. д. Не менее интересны справочные статьи, посвященные «онегинской» персоналии: В. А. Левшин, М. В. Ломоносов, А. Манзони, Ж. Ф. Мармонтель, Мартын Задека, Нина Воронская, В. А. Озеров, Э. Парни, Г. А. Потемкин, Д. Прадт, Ж. Расин, Марк Атилиус Регул, С. Ричардсон, Дж. А. Россини, Ж.-Ж. Руссо,

¹ Косталевская М. Дуэт, диада, дуэль. («Моцарт и Сальери») // Московский пушкинист. Вып. II. М.: Наследие, 1996. С. 55.

² Вольперт Л. И. Пушкин и Стендаль. К проблеме типологической общности. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. М.-Л.: Наука. С. 222. См. так же: Вольперт Л. И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской революции. Пушкин и Стендаль. М., 1998. С. 294.

³ Алексеев М. П. А. С. Пушкин // Шекспир и русская культура / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965. С. 162-200.

⁴ Ср. с библиографией по вопросу шекспировского влияния на Пушкина в статье Ю. Д. Левина, где исследователь приводит по меньшей мере 44 источника: Левин Ю. Д. Шекспир // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII-XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. С. 382-383.

Е. С. Семенова, Ж. де Сталь, А. Стерн, Т. Тас-со, Ф. П. Толстой, В. И. Туманский, Д. И. Фон-визин, Б. Фонтенель, Цицерон, П. Я. Чаадаев, А. А. Шаховской, Ф. Шиллер, А. С. Шиш-ков, Ювенал, Н. М. Языков, J.-C.-L.-Malfilatre, J. Necker.

Разнообразны жанры статей, которые разнятся от кратких пояснений к тексту до небольших исследований и даже литературного эссе. Любопытно проследить и круг интересов самих авторов статей, который легко очертить, разбив статьи по авторам. Не знаю, по какому принципу раздавались темы, но картина статей, написанных некоторыми авторами, выглядит весьма интересно. Так, В. А. Викторovich явно остался неравнодушен к мировоззренческому аспекту творчества Пушкина и написал огромный пласт статей, так или иначе связанный с философской и чувственной стороной романа: «любовник, любовница», «любовь», «мечта, мечтатель», «мораль», «мода», «нега», «нелюдим», «нравоучительный роман», «певец», «песня», «плоды наук», «подражанье», «покой», «праздник», «праздность», «прародительница Эва», «простота», «путешествие», «радость», «разврат», «ревность», «речь Богов», «роман», «роман в стихах», «романтизм», «свобода (вольность)», «скука», «смерть», «сон Татьяны», «старина и новизна», «страсть», «судьба», «счастье / блаженство», «тишина (тишь)», «тоска», «честь», «читатель», «чтение (чтение)», «чужак» (в соавт. с Н. А. Марченко), «шут печальный», «эгоизм», «vanite».

Некоторые предпочтения можно вычлени-ть и у других авторов (предоставляем это читателям): В. А. Кошелев: «басни», «ла-поть», «море», «негодование», «Нина Ворон-ская», «обоз», «орел державный», «отец», «пенаты», «Петриады», «печь», «помещик», «преданье», «разлука», «святая вода», «се-нокос», «сказка», «станция», «трактир», «три с полтиной», «тройка», «факел», «Фе-дора», «фиал», «хват», «Чадаев», «чело», «чертог», «шоссе», «Языков».

Г. В. Краснов: «Нижний Новгород», «пре-дисловие».

Н. И. Михайлова: «маминька, мать», «лав-ры», «ланиты», «Летний сад», «Лондон», «лорнет», «модная жена», «Москва», «нож-ка», «Ольга Ларина», «Париж», «перси», «персты», «Петушков», «погреб», «подаг-ра» (в соавт. с М. И. Мехайловым), «пожар», «проза», «проповедь», «Пустяков. Пустя-кова», «путешественник залетный», «раб», «раут», «ревматизм» (в соавт. с М. И. Ми-хайловым), «сабля», «селянин, поселянин», «Семен Петрович», «слог», «сосуд клевет-ника», «стаи галок на крестах», «стишков чувствительных тетрадь», «стразбурга пи-рог», «сыр лимбургский», «тетка, тетушка», «труд», «философ», «хлев», «Цицерон», «ча-хотка», «чума», «Шишков», «щи», «Annette».

М. В. Строганов: «Мельпомена», «Митри-дат», «молдаванин», «морали», «лань», «ло-но», «москвич», «мотылек», «наливка» (в со-авт. с С. Г. Каширновой), «немец», «Одесса», «опера», «пора меж волка и собаки», «по-сад», «посох», «почечуй», «примета», «при-ношенье», «природа», «смородина», «сти-хов российских механизм», «Таврида», «та-тары», «устрицы» (в соавт. с Е. В. Петрен-ко), «фортуна» (в соавт. с А. Ю. Сорочан), «француз», «черный монах», «эклога» (в со-авт. с А. Ю. Сорочан), «Эльвина».

И. А. Пильщиков: «Морфей», «нереида», «педант, педантство» (в соавт. с И. Г. Добро-домовым), «Петрарка», «Торквато», «Филли-да», «Фонтенель», «эпикурейцы», «Ювенал».

М. И. Шапир: «Овидий», «октава», «риф-ма», «стих», «строфа», «Филиппевна», «ямб и хорей».

Безусловным достоинством, дополняю-щим всеобъемлющий характер энцикло-педии, является работа художника книги К. Е. Журавлева, оформившего издание с ве-ликой любовью к своему труду и редким для нашего времени чувством стиля и меры. Из-дание содержит множество репродукций пушкинских времен, фотоснимков рукопи-сей поэта, иллюстраций из старинных книг и журналов, фотографий вещей личного обихода, предметов быта и мебели пушкин-ской эпохи, барельефов и других изобрази-тельных артефактов, создающих образ быта

исторической эпохи. За подбор иллюстраций отвечала Е. А. Пономарева, ее труд также достоин отдельного упоминания. Наиболее важной находкой с художественной стороны, на наш взгляд, является удачное сопоставление портретов современников, писателей, исторических личностей и графических набросков из пушкинских рукописей. Подобное сравнение зачастую подчеркивает завидное портретное сходство изображаемой личности с рисунком Пушкина.

В «Евгении Онегине» отразилась не только «русская жизнь». В романе, как нигде лучше, выражен мировой масштаб гения русского поэта, в нем множество отзвуков заграничной жизни, имен иноземных исторических личностей, деятелей культуры, философов, писателей, музыкантов, художников и т. д. Это произведение само по себе стало энциклопедичным по своему духу и научному качеству, причем вполне дотягивающим до уровня мирового масштаба. Тем более интересен тот факт биографии русского поэта, что он никогда не покидал пределов своей отчизны, был знаком с заграничной жизнью заочно, но создал множество превосходных образов чужбины, вмести в сво-

их произведениях не только Италию, Испанию, Англию, Францию, но и целый мир. Воистину «Евгений Онегин» стал превосходным памятником «всемирной отзывчивости» Пушкина, универсального характера его поэтического гения.

В своем обращении к читателю «Евгения Онегина» Пушкин выразил шутливую надежду, что, обращаясь к его творениям, благосклонная рука будущего потомка «потреплет лавры старика!». Имел ли Пушкин чаяния, что читатель, спустя двести с лишним лет, создаст целую энциклопедию его творчества (ведь комментаторы выходят далеко за рамки одного романа, прослеживают связи того или иного образа, мотива, понятия во всем его творчестве)? Исследователи пытались оставить как можно меньше белых пятен в творчестве поэта, и если такую работу закончить в принципе нельзя, одно им удалось наверняка: превратить чтение «Евгения Онегина» в герменевтический акт. Решена крупная научная задача: обрисован тезаурус великого русского романа, справедливо названного «энциклопедией русской жизни».

Н. В. ЗАХАРОВ